

Научная статья

УДК 329.14 (430)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_26

Курдский вопрос в Ираке, его теоретические и практические аспекты в свете понятия «failed state» («несостоявшееся государство»)

М. Э. Дюрре

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ikbal@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие «failed state» («несостоявшееся государство») с учетом особенностей историко-политического развития некоторых стран (речь идет о современных Сирии и Ираке). Делается вывод о том, что «несостоявшееся государство» является исключительно теоретической дефиницией политологии. Метод исследования контент-анализ медиа и теоретических разработок по проблеме «несостоявшихся государств».

Ключевые слова: «несостоявшееся государство», Ближний Восток, Сирия, Ирак, Курдистан

Для цитирования: Дюрре М. Э. Курдский вопрос в Ираке, его теоретические и практические аспекты в свете понятия «failed state» («несостоявшееся государство») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 26–33.
DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_26

Original article

The Kurdish Question in Iraq, Its Theoretical and Practical Aspects in the Light of the Concept of “Failed State”

Mehmet Emin Durre

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ikbal@mail.ru

Abstract: The article analyzes the concept of “failed state” taking into account the peculiarities of the historical and political development of some countries (we are talking about modern Syria and Iraq). It is concluded that the “failed state” is an exclusively theoretical definition of political science. Method of research content-analysis of media and theoretical developments on the problem of “failed states”.

Keywords: “failed state”, Middle East, Syria, Iraq, Kurdistan

For citation: Durre, M. E. (2022). The Kurdish question in Iraq, its theoretical and practical aspects in the light of the concept of “failed state”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences,

4(849), 26–33. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_26

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня обострились все без исключения имеющиеся международные проблемы, и новую актуальность приобрел вопрос самоопределения курдов. В дискуссиях по этому вопросу «красной нитью» часто проходит мысль о том, что курды неизбежно обретут независимость. В частности, потому, что два из четырех государств, между которыми разделен исторический Курдистан (Сирия и Ирак), являются так называемыми несостоявшимися государствами.

Однако проблема применения к этим странам понятия «несостоявшееся государство» (как и сам этот термин) достаточно неоднозначено, для того чтобы использовать его в сфере практической политики. Это может повлечь за собой реальные негативные последствия и для ситуации вокруг курдов.

В данной статье мы подробно разбираем понятие «failed state» («несостоявшееся государство») и обоснованность его применения к нынешней ситуации в Ираке и Сирии.

«FAILED STATE» («НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВО»): ПОЯВЛЕНИЕ ТЕРМИНА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Термин «несостоявшееся государство» достаточно новый, он появился в научном обиходе тридцать с небольшим лет назад в работе американских политологов Джеральда Хельмана и Стивена Ратнера «Спасти несостоявшиеся государства» (*Saving failed states*) и затем упоминался во многих последующих работах этих авторов (*Foreign Policy*, 15.06.2010)¹. Однако четкого определения этого термина авторы не дали, ограничившись лишь общим – «группа государств, выживание которых находится под угрозой»². Первую попытку дать четкое определение «несостоявшегося государства» предпринял профессор Цюрихского университета Даниэль Тюрер в статье «Несостоявшееся государство и международное право», опубликованной в 1999 г. (*International Committee of the Red Cross*, 31.12.1999)³. Автор указывает, что термин «несостоявшееся» состояние не служит для широкого обозначения явления, которое

можно интерпретировать по-разному. У этого термина есть три аспекта.

Во-первых, географический и территориальный аспект, а именно – тот факт, что «несостоявшиеся государства», по сути, связаны со своими внутренними и эндогенными проблемами – взрыв структур власти, дезинтеграция и разрушение государства, без влияния извне.

Во-вторых, есть политический аспект. Акцент в нем делается на полном или почти полном разрушении структур, гарантирующих правопорядок, а не на фрагментации государственной власти, наблюдавшейся в гражданских войнах.

В-третьих, существует функциональный аспект, а именно отсутствие органов, способных, с одной стороны, представлять государство на международном уровне, а с другой – подвергаться влиянию внешнего мира.

С юридической точки зрения можно было бы сказать, что «несостоявшееся государство» – это государство, которое, хотя и сохранило правоспособность, для всех практических целей в то же время утратило способность его осуществлять. По мнению Тюрера, существующие в настоящее время «несостоявшиеся государства» – это, прежде всего, страны «третьего мира», на которые повлияли следующие исторические и geopolитические факторы: окончание холодной войны, во время которой две сверхдержавы часто искусственно удерживали у власти, не имеющие прочной основы в обществе режимы, сохраняя их в качестве потенциальных союзников; наследие колониальных режимов, которые просуществовали достаточно долго, чтобы разрушить традиционные социальные структуры, но недостаточно долго, чтобы заменить их структурами западного образца; и, наконец, общие процессы модернизации, поощрявшие социальную и географическую мобильность, но не уравновешенные процессами национального строительства.

Одним из главных критериев «несостоявшегося государства», по мнению швейцарского ученого, является распад (или нахождение в процессе этого распада) государственных структур, прежде всего, тех, что отвечают за правопорядок (*International Committee of the Red Cross*, 31.12.1999).

Германский политолог Ульрих Шнеккер в 2003 г. более детально разработал концепт «несостоявшегося государства». Он предложил понятие «непрочное государство», обозначающее страну, «государственные структуры которой... утратили или не обрели способность управления в главных сферах своей компетенции» (цит. по: [Подвинцев 2007, с. 204–205]), к которым относятся:

¹URL: <https://foreignpolicy.com/2010/06/15/saving-failed-states/>

²Зд. и далее перевод наш. – М. Д.

³URL: <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/article/other/57jqbu.htm>

– контроль государства над его территорией, через государственную монополию на применение силы. Сигналом полной или частичной утраты такой компетенции могут служить отсутствие контроля над всей или большей частью территории страны;

– низкий уровень государственных услуг в различных областях, а также далекие от справедливых или хотя бы обеспечивающих стабильность механизмы распределения экономических ресурсов.

В политическом устройстве индикаторами утраты компетенции государства является усиление авторитарных или олигархических структур принятия решений, репрессии против политической оппозиции, фальсификация результатов выборов, периодическое исключение различных общественных групп.

Распад государственности, по мнению Шнекера, это динамичный, продолжительный, а отнюдь не одномоментный процесс. В нем можно отметить три стадии – «слабое государство», государство, не справляющиеся со своими функциями, деградирующие (*failing state*) и, собственно, «несостоявшееся государство» (*failed state*) (цит по: [Подвинцев, 2007]). Практическая проблема международного уровня, связанная с определением «несостоявшееся государство», заключается в том, что эту дефиницию, сугубо теоретико-политологическую, а отнюдь не международно-правовую, пытаются использовать в качестве элемента проведения международной политики. Речь здесь, прежде всего, о США и глобалистских внешнеполитических амбициях этой страны.

Так, уже в 2006 г. в «Стратегии национальной безопасности США» «несостоявшееся государство» обозначены как фактор развития терроризма и угрозы национальной безопасности США. Считается, что на основании подобных заключений США в свое время приняли решение о вторжении в Ирак и Афганистан.

Характерно, что во второй декаде к понятию «несостоявшееся государство» политологи обратились как к инструменту идентификации. Так, в докладе американского Центра оперативного анализа и исследований (SOAR), написанном в 2020 г., утверждалось, что Сирия на тот момент была «несостоявшимся государством», хотя все реалии ситуации в этой стране указывали на обратное.

Также в статье «*Iraq as a “failed state”*» американского политолога Энтона Кордсмана, опубликованной Центром международных стратегических исследований (*Center of Strategic and International Studies*, 12.11.2019)¹, указывалось на

кризисные явления в политике и экономике этой страны, которые, как оказалось, в последующие годы при всей своей драматичности не привели к ее коллапсу.

В статье 2021 г. под несколько ироничным названием «Почему “несостоявшиеся государства” так и не состоялись» германский политолог Эберхард Кинле указывает на то, что страны Ближнего Востока и Северной Африки имеют серьезное «противоядие» от возможного фатального конца. Это – сильные авторитарные режимы, несмотря на всю их «специфику», политической культуры, всё же имеющие реальную поддержку в обществе более сильных стран и держав. Например, Сирию поддерживают Россия и Иран (*SciencesPo*, 2021, October)².

На наш взгляд, возможно оперирование понятием «несостоявшееся государство» только как экспертно-политологическим. Оно неприменимо как инструмент международной практики. По-своему лингвистическому содержанию оно, как представляется, обозначает фатальный крах страны с невозможностью восстановления. Между тем в подобной ситуации оказались лишь «социалистические», многонациональные государства – СССР, и то в уникальный и беспрецедентный момент краха глобального противостояния «социализма» и «капитализма».

Наиболее четко и полно можно определить «несостоятельность» государства по коллапсу его политico-правовой системы. Однако ни это, ни другие обстоятельства не делают положение фатальным, этот процесс всегда обратим. В действие вступают факторы геополитического и геоэкономического плана, а также особенности конкретной страны и ее народа. Рассмотрим это на примере положения Сирии и Ливана, в контексте курдского вопроса в этих странах.

СИРИЯ И ИРАК – СТРАНЫ С ПРИЗНАКАМИ «НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА»

Из четырех стран, между которыми сегодня оказался разделенным «исторический Курдистан», две – Сирия и Ирак – в настоящий момент демонстрируют признаки «*failed state*». Однако более подробный анализ истории этих стран и их нынешнего политического положения подтверждает точку зрения тех, кто считает «несостоявшееся государство» экспертино-политологической дефиницией, а не практическим инструментом, предполагающим конкретные действия в отношении стран, оказавшихся в состоянии ослабления государственности. Сирия и Ирак демонстрируют, что процесс эволюции к «несостоявшемуся государству»

¹URL: <https://www.csis.org/analysis/iraq-failed-state/>

²URL: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-0343>

в значительной мере обратим и зависит не только от объективных предпосылок социально-экономического и политico-правового характера, но и конкретной ситуации страны.

Сирия и Ирак, как независимые государства, возникли после Первой мировой войны на развалинах Османской империи в рамках положенной в основу послевоенного мироустройства системы договоренностей, получившей название системы «Сайкс-Пико», названной по именам ее авторов и подписавших со стороны тогдашних Великобритании и Франции. Смысл применения этой системы на Ближнем Востоке заключался в том, чтобы разделить его по этногеографическому принципу на государства, возглавляемые представителями арабской элиты. Подводные камни такого положения вещей заключались в том, что арабская политическая элита всячески зажимала гуманитарные и политические права неарабов. При этом политическая культура арабской элиты была и остается достаточно далекой от того, что понимается под этим термином на Западе. Борьба за власть и ее реализация в арабском мире часто основывается на авторитаризме отдельной личности, опирающейся на силовые структуры, и сопровождается межклановыми противоречиями.

Всё это имело место в новейшей истории, как в Сирии, так и в Ираке, в двух «новых» арабских государствах со значительным курдским населением. Независимость от Османов, провозглашение монархий (в Сирии она продержалась совсем недолго, в Ираке – до 1958 г.), установление иностранных протекторатов, череда военных переворотов. Историческая практика этих государств продемонстрировала, что наиболее подходящей формой политического режима, обеспечивающего внутреннюю стабильность в этих странах – это режим сильной исполнительной власти, с ярко выраженными чертами авторитаризма. Важным моментом является также постоянная и систематическая поддержка этих режимов извне. Как в случае авторитарного «баасистского» режима в Сирии, так и идеологически родственного ему режима Саддама в Ираке, важную, и в чем-то ключевую роль играл союз с СССР, а затем с РФ. Благодаря этому союзу в наши дни удалось предотвратить захват власти радикальными исламистами.

Конечно, остается еще не до конца решенным вопрос о самоопределении курдов, проживающих в Сирии. Однако сам факт существования курдской автономной администрации в стране и есть, очевидно, больший шанс для конструктивного решения этого вопроса сегодня в условиях сирийского политического расклада, чем при гипотетическом приходе к власти арабских национал-исламистов.

Иная ситуация сложилась в Ираке. В конце 80–90-х годов режим Саддама Хуссейна стал жесткой диктатурой. Власть целиком оказалась сосредоточенной в руках суннитской военно-политической верхушки, осуществлявшей политику угнетения по отношению к своим соплеменникам арабам-шиитам, составляющим в стране численное большинство. А по отношению к этноконфессиональным меньшинствам проводилась политика насилиственной арабизации.

Речь идет, прежде всего, об отношении к курдам. В 1987–1989 гг. багдадским режимом была осуществлена с применением химического оружия так называемая операция «Анфаль», в ходе которой погибли или пропали без вести 182 тыс. иракских курдов, 700 тыс. представителей этой национальности были помещены в концентрационные лагеря, а еще 1 млн курдов стали беженцами [Кочои, 2003].

Саддамовский режим также продолжал воинственную внешнюю политику, становясь всё более очевидной угрозой миру в регионе. Поэтому в 2003 г., в результате интервенции вооруженных сил США и стран НАТО, Саддам был свергнут и перед страной открылась перспектива самостоятельного демократического развития. Правда, на начальном этапе оно осуществлялось под прямым патронажем США.

Однако на этом пути довольно скоро была допущена принципиальная системная ошибка, которая в дальнейшем и обусловила опасную эволюцию Ирака к состоянию «failed state». Речь идет о принятии в 2005 году новой Конституции Ирака как федеративного демократического государства. Она (очевидно не без влияния и рекомендации западных союзников) была создана по модели европейских «парламентских республик», некритично и механически перенесенной на иракскую почву. Так, согласно ст. 58 Конституции высшим органом власти в стране является «совет Представителей» (парламент), который избирает президента, имеющего по преимуществу церемониальные полномочия, назначает главу правительства и министров, ведает всеми остальными ключевыми вопросами государственной жизни. А глава правительства является командующим вооруженными силами¹. Такое наделение парламента полнотой всей политической власти в стране произошло и происходит в условиях, когда политической элитой в новом Ираке стали шииты, оттеснив ранее правящих суннитов-баасистов. При этом партии всех этнополитических групп в Ираке очень сильно фрагментированы.

¹Конституция Ирака // Конституции государств (стран) мира, 2011, 14 октября. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=338>

Таким образом, между группами внутри шиитов, суннитов и курдов существуют достаточно острые и серьезные разногласия, идет постоянная борьба. Такое положение дел за последние полтора десятилетия негативно сказываются на функционировании государственного механизма, тормозит его возможности по принятию необходимых законодательных актов. В результате в стране сложился драматичный правовой вакуум, когда из непринятия новых законов в Ираке продолжают действовать акты саддамовских и иных времен, неприменимые к нынешней иракской ситуации, текущему управлению страной и оказанию государственных услуг. Это вызвало общественное недовольство в стране. Многие политические партии и альянсы имеют собственные вооруженные формирования, подчиненные исключительно им, а не государству, что создает реальный риск вооруженного внутриполитического конфликта. Понятно, что в таких условиях вся политика сводится практически к организации предвыборных кампаний, выборов и последующему часто очень затянутому во времени дележу государственных постов и должностей. И это один из главных показателей того, что Ирак находится на грани положения «failed state».

Это проиллюстрировали последние внеочередные парламентские выборы, прошедшие в Ираке в октябре минувшего года. Выборы прошли при довольно низкой активности избирателей (приблизительно 41 %). Как и на предыдущих выборах, победу одержал блок «Сайиран» во главе с радикальным шиитским имамом и военно-политическим лидером Муктадой ас-Садром, последовательным иракским националистом. Его блок получил 73 из 329 парламентских мест. На второе место прошла суннитская коалиция «Таккадум» (Прогресс) во главе с экс-председателем парламента страны Мухаммадом аль-Халбузи, обеспечив себе 41 мандат. Далее следует блок светских шиитских партий «Правовое государство» во главе с экс-премьером Нури аль-Малики. А на четвертом месте оказалась правящая в курдской автономии Ирака Демократическая партия Курдистана. Сокрушительное поражение получили проиранские шиитские политические силы, в той или иной мере связанные с вооруженным ополчением «Хашд аш-Шааби». Но при этом никто из победителей не смог создать «решающего большинства», и сейчас идет активная борьба за мелкие партии, а также независимых кандидатов, которых в парламенте нового созыва оказалось достаточно большое количества (*Независимая газета*, 13.10.2021).

Однако до настоящего времени в Ираке не избран президент и не сформировано правительство. Законодательная и исполнительная власть

действует в прежнем составе и в статусе «исполняющей обязанности», что резко ограничивает ее возможности для принятия столь необходимых для Ирака политических и экономических решений.

Свое влияние оказывает на ситуацию и внешнеполитическое положение Ирака. После 2005 г. эта страна стала объектом международной конкуренции за влияние между Ираном и США, являющимися принципиальными антагонистами на мировой арене. Ирак – одно из двух арабских государств с шиитским большинством населения (еще одно – крохотное королевство Бахрейн в Персидском заливе), который значим с geopolитической и геоэкономической точек зрения. Шиитский Иран на основании вероисповедальной близости стремится влиять на внутреннюю и внешнюю политику Ирака, в своем внешнеполитическом «идеале» планируя сделать его «марионеточным» государством. Надо сказать, что это принимается далеко не всеми политическими кругами Багдада, что создает дополнительные трудности для реализации государственной независимой политики.

В сегодняшнем Ираке налицо все признаки курса на очень вероятное попадание в категорию «failed state». Сегодня автономный регион Курдистан после референдума о независимости 25 сентября 2017 г. взял стратегический курс на достижение этой цели. Но в условиях потенциального failed state иракские курды сталкиваются с серьезными проблемами на этом пути.

«КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА» В СВЕТЕ ПОНЯТИЯ «FAILED STATE» «НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВА»)

В течение всего прошлого столетия курдский народ вел борьбу за национальное самоопределение и освобождение и Иракский (Южный) Курдистан не был исключением. После длительного восстания и противоборства (1961–1975) между Багдадом и курдами под руководством тогдашнего лидера ДПК Мустафы Барзани в 1970 г. был подписан договор, предполагавший создание курдской автономии со столицей в Киркуке. Однако в 1974 г. Багдад принял односторонний закон о курдской автономии, который лидер Барзани назвал «бумажным». Хотя в нем вводилось использование курдского языка на территориях проживания курдов, создание их собственных исполнительного и законодательного советов, но одновременно предусматривались механизмы тотального контроля за их деятельностью со стороны Багдада. Кроме того, за пределами границ автономии в итоге остались нефтеносная провинция Киркук и населенный

езидами Синджар (Шингал), где шла активная принудительная арабизация. Курдское сопротивление возобновилось и фактически продолжалось вплоть до свержения Саддама Хуссейна.

Рубежной датой для курдов Ирака стала весна 1991 г. В марте, воспользовавшись поражением Саддама в войне в Персидском заливе, все оппозиционные режиму силы, в том числе и курды, начали общенациональное восстание. К концу марта курдские повстанцы уже контролировали весь этнический Курдистан. Однако баасисты, заключив мир с союзниками, бросили отборные силы своих войск на курдов. Опасаясь новой волны геноцида, курды двинулись к границам Ирана и Турции. Опасаясь гуманитарной катастрофы, СБ ООН принимает 5 апреля 1991 г. Резолюцию, объявляющую территорию в Ираке к северу от 36 параллели (это всё курдские земли) «зоной безопасности» с бесполетным режимом. К осени иракские силы полностью оставили этот район, и на его территории возникло государственное образование «Свободный Курдистан» под протекторатом ООН. В мае–июне 1992 г. был создан региональный парламент и сформировано правительство. Власть в регионе оказалась поделенной между двумя крупнейшими политическими силами Иракского Курдистана – Демократической партией и Рабочей партией Курдистана. Отношения между ними неоднозначны и проблемны, а в 90-х гг. они дошли до вооруженного гражданского противостояния. Тогда же был разработан план вхождения Курдистана в будущее демократическое федеративное иракское государство с особым статусом национальной автономии и даже с конституционным правом выхода из него.

В 2005 г. с принятием Иракской Конституции Курдистан вошел в состав нового федеративного и демократического Ирака на основании того статуса, который де-факто сформировался в регионе, начиная с 1992 г., т. е. с собственным парламентом и правительством, вооруженными силами – «пешмерга», курдским официальным языком и отдельной правовой системой.

Иногда приходится встречать утверждения, что будто бы нынешняя Конституция Ирака предусматривает особый статус для курдской автономии как национальной автономии, в том числе и с правом выхода из федерации. Это не совсем так. Курдский, наряду с арабским, признан официальным языком Ирака, и это является правовым индикатором особого положения курдов как национальной группы в иракском обществе. Но одновременно в Конституции записано, что Курдистан не обладает правами и статусом иракского «федерального региона», объединяющего несколько провинций. Кроме того, в курдскую автономию Ирака так и не вошли

провинции Киркук, Найнава и Диала, оставшись так называемыми спорными территориями. Их судьбу предполагалось решить еще на референдуме, запланированном на 2007 г., но он так и не состоялся.

После этого руководство региона взяло перспективный курс на полную государственную независимость от Ирака, кульминацией которого стал референдум 25 сентября 2017 г. Тогда 92 % жителей региона высказались за независимость Башура (национальное название Иракского Курдистана). Хотя этот референдум не имел юридического значения и последствий, он был негативно воспринят как Багдадом, так и соседними странами. Курдам дали понять, что они опасаются изменения статуса государственности Курдистана в сторону его повышения.

Таким образом, процесс дальнейшего самоопределения иракских курдов оказался в ситуации, когда на него влияют, разумеется негативно, факторы, существующие в современном Ираке как государстве, находящемся на грани положения *failed state*. С другой стороны, в самом Курдистане существуют факторы и обстоятельства, которые при возможном обретении им независимости, могут подтолкнуть его к уровню «несостоявшегося государства».

К общиракским факторам относятся следующие:

- отсутствие на данный момент действующего и, главное, дееспособного правительства, с которым следует вести дальнейшие переговоры, ныне фактически остановленные;

- при нынешнем положении вещей все денежно-финансовые потоки Курдистана и механизмы инвестирования в него пока что замыкаются на Багдаде и федеральной банковской системе Ирака. Это демонстрирует, с одной стороны, неспособность Багдада должным образом осуществлять финансовое обеспечение Курдистана. С другой – Багдад использует финансово-банковскую систему как рычаг давления на курдов. Кроме того, характерные для эволюционирующего к «несостоявшемуся» государству правовая неразбериха и вакuum способствуют сохранению в стадии нерешиности многих важных проблем, которые также могут стать рычагом давления и манипуляций в отношении Курдистана и его интересов. В этой связи очень характерно принятое в феврале 2022 г. решение высшей судебной инстанции страны, признавшей закон об углеводородах (нефти и газе) Курдистана недействительным. При принятии решения суд руководствовался де-факто действующим по сей день законом саддамовских времен. Хотя новый закон действующей Конституции был разработан еще в 2007 г. и прочно «застрял» на полтора десятилетия в парламентских коридорах Багдада. Региональное правительство Курдистана

признало это решение неконституционным. Но это всё не является необходимым системным решением данного и других ключевых правовых вопросов (*Finantz.ru*, 16.02.2016).

Говоря о внутренних факторах, толкающий нынешний иракский Курдистан к состоянию «failed state», подчеркнем:

- во-первых, внутриконтинентальное «замкнутое» положение региона, без выхода к морю. Это серьезно затрудняет его геоэкономические коммуникации с остальным миром. Кроме того, Иракский Курдистан окружен государствами, политические режимы которых негативно относятся к процессу самоопределения курдов, и установление с ними нужного уровня отношений будет трудным и долговременным делом;

- во-вторых, тревожащим фактором является сохраняющееся противостояние между двумя ведущими политическими силами Курдистана – ДПК и ПСК. Они приблизительно равны по численности и влиянию. Кроме того, каждая из партий имеет находящиеся в своем подчинении вооруженные силы Пешмерга. Разногласия между партиями обусловлены не только клановыми различиями между родом Барзани (ДПК) и Талабани (ПСК), но и некоторыми политическими моментами. Если ДПК выступает за независимость Курдистана, то ПСК склонен ограничиться более высоким уровнем государственности, но в рамках единого Ирака. В международных отношениях ДПК ориентируется на Запад и Турцию, а ПСК, несмотря на левосоциалистическую идеологию, на исламский Иран;

- в-третьих, «критическим» фактором для будущей политической судьбы Курдистана является

недоработанность его законодательства, особенно в части о полномочиях региональных органов власти. На сегодняшний день они часто пересекаются или дублируются, что затрудняет эффективное функционирование государственных органов. Уже давно идет процесс разработки региональной Конституции Курдистана. Ее принятие способствовало бы укреплению государственности курдов. Однако в самое последнее время этот процесс вновь затормозился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, некоторые процессы, проходящие в Ираке, могут привести эту страну к уровню «несостоявшегося государства» («failed state»). Это серьезно затрудняет решение проблем, связанных с курдским вопросом, на обозримую перспективу. Также распад государств, изменение их границ, появление новых стран на Ближнем Востоке, с учетом особенностей его традиционной политической культуры, будут болезненными и драматичными.

Думается, что в качестве модели суверенизации Курдистана с наименьшими негативными последствиями для него, Ирака и региона в целом, следует подумать о создании чего-то вроде «свободной конфедерации», межгосударственной унии, или «союзного государства», наподобие российско-белорусского. Каждый член такой «уни-конфедерации» является внутри- и внешнеполитическим сувереном. Но политика и социально-экономическая жизнь таких государств интегрирована теснее, чем стран-участников

привычных межгосударственных альянсов. Можно ли на практике приспособить такую модель к сложной ближневосточной политической и культурной специфике, покажет будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подвинцев О. Б. Идея «Несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Антиномии. 2007. № 7. С. 204–214.
2. Кочои С. М. Редакция доклада Human Rights Watch «Преступление геноцида в Ираке. Кампания «Анфаль» в Иракском Курдистане» // Геноцид в Иракском Курдистане. М. : Прообразование, 2003.

REFERENCES

1. Podvintsev, O. B. (2007) Idea «nesosotoyavshisia gosudsratsv v rossiysom postimperskom kontekste» (The idea of «Failed States» in the Russian post-Imperial context). *Antinomies*, 7, 204–214. (In Russ.)
2. Kochoi, S. M. (2003). Editorial board of the Human Rights Watch report «The Crime of Genocide in Iraq. The «Anfal» campaign in Iraqi Kurdistan». *Genocide in Iraqi Kurdistan*. Moscow: Vocational Education. (In Russ.)

Политические науки

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Мехмет Эмин Икбаль Дюрре
кандидат исторических наук
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института Международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mehmet Emin Ikbal Durre

PhD (History)
Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 17.04.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 17.04.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 20.10.2022